

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Гутовой Светланы Георгиевны «Синкретические учения всеединства в истории философии: теоретико-методологический аспект», представленной на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 — история философии (философские науки)

Современные историко-философские исследования отличаются все большей методологической сложностью. Историки философии от углубленного анализа систем отдельных мыслителей и ярко очерченных школ переходят к целостному описанию больших эпох в истории философской мысли, все более востребованными оказываются и целостные подходы к описанию многовековой истории философии во всем ее разнообразии. Такого рода исследования невозможны без разработки новых оригинальных методов анализа и сопоставления философских идей и концепций. Рассматриваемая диссертация направлена на разработку такого нового подхода к истории философии, который призван помочь осуществить более цельное, последовательное и логичное описание главных ее тенденций на всем протяжении — от античности до начала XX века. В основе этого подхода — выделение в важнейших философских системах тенденции к синкретизму, к синтезу различных, часто полярных тенденций, позаимствованных из самых разных эпох, национальных традиций, великих религиозных учений. Предполагая, что так понятая тенденция к синкретизму составляет важнейший элемент всех самых значительных философских систем и школ, автор диссертации предпринимает детальный методологический анализ форм осуществления этой тенденции и на этой основе дает методологические рекомендации современным историкам философии, призванные помочь более полному и глубокому анализу истории философии.

Нужно признать такую постановку проблемы анализа истории философии предельно актуальной. В современных условиях гуманитарное знание, вслед за естественнонаучным, переживает процесс дифференциации и конкретизации, оно становится более частным, детальным, но во многом утрачивает целостность, синтетический характер. Во всяком случае явно чувствуется дефицит подходов, которые были бы ориентированы на интеграцию, объединения разных сфер и направлений в единое знание о человеке, обществе и истории. Философия в целом и история философии в особенности являются той областью, где отсутствие тенденции к интеграции и целостности особенно заметно и имеет безусловно негативный характер. Ведь философия — это самосознание человеческой культуры, и оно не может не быть цельным и последовательным, особенно в своем историческом выражении. В этом смысле формирование новых плодотворных методов анализа и описания истории философии в ее целостности, доказательство внутреннего единства и логичности историко-

философского процесса — это важнейшие и актуальнейшие элементы современных исследований.

Подход к интерпретации истории философии, развиваемой в диссертации С.Г. Гутовой нужно признать новым, открывающим перспективные направления исследования. Влияние самых разных религиозных и культурных тенденций на формирование философских систем является важным слагаемым любого историко-философского исследования, но до сих пор отсутствовали последовательные подходы, основанные на принципе синкретизма, т. е. на анализе совместного, комплексного влияния самых разных, дополняющих друг друга тенденций. В то же время в культурологических исследованиях понятие синкретизма и соответствующий методологический подход давно стали общепринятыми и доказали свою перспективность, способность дать совершенно новый, целостный образ истории культуры. Диссертация С.Г. Гутовой открывает столь же новую и важную перспективу в отношении истории философии.

Можно было бы предположить, что синкретизм в философии имел разные формы выражения, однако конкретный и внимательный анализ всей истории философии приводит С.Г. Гутову к мысли, что существует одна наиболее плодотворная и универсальная форма философского синкретизма, которая выражена в философии всеединства. Этот тезис является центральным тезисом диссертации, его нужно признать важнейшим пунктом ее новизны. Тот факт, что различные варианты философии всеединства встречаются во все исторические эпохи, было давно замечено историками философии, однако оценка этой формы философии была очень разной. С.Г. Гутова убедительно доказывает, что различные исторические варианты философии всеединства обладают безусловным сходством и, по сути, выражают одну и ту же тенденцию философского знания к синкретизму, к синтезу всех плодотворных методов философского и религиозного понимания человека, общества и истории. В этом смысле проделанный в диссертации анализ подводит к выводу, что философия всеединства является главной линией развития философии на всем протяжении ее истории и именно через возвращение к этой плодотворной парадигме философия преодолевала все кризисные эпохи в своем развитии. Поскольку в диссертации указанный вывод основывается на достаточно большом числе убедительных аргументов и рассуждений, его можно принять как важнейшее достижение диссертационного исследования С.Г. Гутовой, открывающее совершенно новые перспективы для дальнейших исследований в области истории философии.

В первой главе диссертации «Основания синкретического мышления в философии» рассматривается понятие синкретизма, приводятся существующие его определения, формулируется новый подход к определению его смысла и доказывается, что в области

философии правильно понятый синкретизм является наиболее плодотворной моделью развития. С.Г. Гутова правильно замечает, что построение любой значимой системы начинается с критики наиболее влиятельных предшествующих традиций, однако подлинно великие системы возникают тогда, когда мыслитель не останавливается на критике, а использует все самое ценное из критикуемых традиций. Это и означает, что синкретизм является важной тенденцией, гарантирующей глубину философского знания. При этом в диссертации проводится очень важное различие между эклектизмом и синкретизмом: эклектизм есть формальное сочетание разных традиций, не доходящий до синтеза их основополагающих принципов, подлинный же синкретизм должен добиваться именно единства сущностных оснований разнородных течений. Одновременно фиксируется различие между синкретизмом, характерным для научных и культурологических исследований и философским синкретизмом. В науке и культурологии синкретизм давно стал популярным методом, позволяющим строить новые научные теории и новые модели культуры на основании уже существующих. Однако в этих областях он имеет ограниченное значение и не ведет к построению универсальных и в некотором роде «окончательных» конструкций. Философский синкретизм, как доказывает С.Г. Гутова, при его правильной реализации ведет к гораздо более существенным и общим результатам, позволяя приблизиться к своего рода «абсолютной» философии, синтезирующей все достижения истории и претендующей на некоторую окончательную форму постижения человека, общества и истории.

В этом контексте в третьем параграфе первой главы рассматриваются основные принципы философии всеединства как универсальной формы синкретической философии. В качестве главного ее принципа выступает полагание высшего начала, Абсолюта, который рассматривается как порождающий все существующее, охватывающий все существующее и приводящие его к абсолютному единству. Именно такая точка зрения, согласно которой все многообразие бытия происходит из единого начала, а затем, получив самостоятельность, «возвращается» в него, порождает универсальную парадигму синкретизма как философского объяснения мира. Ведь любая частная и конкретная тенденция объяснения должна быть отнесена к отдельному «региону» существующего, соответственно, многообразие форм философского объяснения реальности в истории философии может быть объяснено тем, что философия останавливалась на уровне многообразия форм бытия, но не доходила до уровня его абсолютного единства. Если мы доходим до этого уровня, то все предшествующие формы философского объяснения должны соединиться в некотором едином (точнее, «всеедином») объяснении, синтезирующем их ценные стороны. С.Г. Гутова подробно описывает, какие характерные особенности имеет соответствующее синкретическое философское объяснение,

а также в самой общей форме определяет основные конкретные формы его выражения в истории философии — позднеантичный неоплатонизм, пантеистические системы эпохи Возрождения, диалектические системы немецкой философии и русская философия всеединства конца XIX — начала XX века. Наглядно показано наличие общих черт в этих столь разных парадигмах философского знания.

В целом в первой главе дано полное и логически последовательное описание сущности синкретического мышления в философии, показано, что на его основе возникает универсальная форма философии — философия всеединства, которая претендует на полное описание всех основных проблем философского знания.

Во второй главе диссертации «Синкретизм как принцип выстраивания метафизики в истории философии» рассматривается, в каких основных формах философия всеединства была реализована в истории западной философии. В первом параграфе главы рассматривается античный платонизм, который выступает в качестве исходной и универсальной модели синкретической философии. С.Г. Гугова подчеркивает «многомерный» характер синкретического мышления уже в этой первой его форме: здесь осуществляется органический синтез не только очевидно противостоящих друг другу интеллектуально-культурных традиций — восточных и западных (античных) религиозно-философских концепций, но и синтез различных методологических подходов и различных оснований знания — от телесно-чувственного восприятия до мистической интуиции, обеспечивающей слияние с Абсолютом. Именно последний мотив, утверждает С.Г. Гугова, становится особенно характерным для всех форм философии всеединства в истории и позволяет определять их единым термином «мистический рационализм». В содержательном отношении особенностью мистического рационализма является установление естественных взаимосвязей между тремя главными уровнями познания: чувственным восприятием, категориально-понятийной системой разума и целостным интуитивным постижением Абсолюта. Вместо противопоставления этих уровней познания, что характерно для не-синкретических систем типа эмпиризма, рационализма и мистицизма, в философии всеединства обеспечивается естественный переход от высшего уровня к низшему и обратно.

Во втором параграфе рассматривается, какую форму синкретическая философия приобрела в эпоху христианства, прежде всего в Средние века. С.Г. Гугова справедливо замечает, что языческий по своей религиозной сути неоплатонизм должен был соединиться с христианской моделью человека и Абсолюта, чтобы синкретическая модель философии приобрела окончательные формы. Это и произошло в Средние века и в эпоху Возрождения в процессе формирования христианского неоплатонизма. В диссертации правильно фиксируется важность менее заметных религиозных течений — гностицизма, герметизма,

манихейства и др., которые внесли в окончательную форму синкретической философии всеединства ряд важных идей. С.Г. Гугова делает важный вывод, что соединение неоплатонизма с христианской концепцией человека привело к внедрению существенного персоналистического момента в философию всеединства, и дальнейшее ее развитие во многом было определено взаимодействием и последовательным преобладанием двух ее внутренних «центров» — онтологического теоцентризма и персонализма.

В третьем параграфе главы «Синкретизм всеединства в классической европейской философии» рассматривается преломление христианского неоплатонизма в формах новоевропейской философии, прежде всего в философии немецкого классического идеализма (Фихте, Шеллинг, Гегель). Влияние неоплатонизма на указанных немецких философов уже давно анализируется в историко-философской литературе, однако последовательное обоснование той точки зрения, что системы немецких мыслителей можно рассматривать как прямое развитие той же синкретической парадигмы философии, к которой относятся античный и христианский неоплатонизм, составляет важнейшее достижение диссертации С.Г. Гуговой (стр. 167-197). Обосновать это утверждение помогает тот методологический подход, который составляет главное содержание диссертации, в данном случае ясно проявляется его плодотворность в историко-философских исследованиях. В диссертации подчеркивается, что наиболее важным элементом сходства неоплатонизма и немецких систем является интегральное и целостное понимание процесса познания, синтезирующего все его уровни — от чувственного восприятия до мистической интуиции Абсолюта.

В третьей главе диссертации «Истоки синкретизма в отечественной философии» подробно рассмотрена та версия философии всеединства, которую реализовали русские мыслители конца XIX — начала XX века. В первом параграфе главы рассмотрены истоки русской философии всеединства как философии синкретического типа. С.Г. Гугова подчеркивает, что русская философия с особой очевидностью предстает как философия синкретического типа, поскольку русские мыслители использовали очень разные, во многом противоположные интеллектуальные традиции: и наследие античной (языческой) философии, и христианство в его православной модели, и различного рода мистические течения, в особенности гностицизм, и разнообразные философские тенденции западной и восточной философии. В качестве наглядного примера синкретического характера русского философствования рассматривается феномен антропософии как особого направления философского знания. Однако С.Г. Гугова подчеркивает принципиальное отличие антропософии от собственно философии всеединства, это очень важно в связи с сохраняющейся популярностью антропософии и неоднократными попытками доказать ее философскую «легальность» в качестве варианта философии всеединства. Поскольку в

антропософии используется понятие Софии, Мудрости Божьей, производится сравнение смысла и роли этого понятия в антропософии и в софийных версиях русской философии всеединства (прежде всего в философии Вл. Соловьева и С. Булгакова). С.Г. Гутова хорошо показывает различия в смысле этого понятия при его использовании в разных философских традициях и пытается доказать, что использование Софии в качестве центрального понятия вполне допустимо и плодотворно для философии всеединства (стр. 213-215). С этим выводом диссертанта можно поспорить (см. ниже).

Второй параграф третьей главы, посвященный изложению философии всеединства Вл. Соловьева, является одним из самых важных и интересных в диссертации. С.Г. Гутова правильно доказывает, что система Соловьева в определенном смысле является образцовым философским выражением концепции всеединства, понятой именно как концепция синкретизма. Центральным принципом, пронизывающим все построения Соловьева и придающим им всеединный характер является понятие мистического опыта и мистического отношения к Абсолюту, являющегося основанием всего существующего. Можно признать правильным и важным вывод автора диссертации о том, что Соловьев, с одной стороны, опирался на древние мистические традиции в философии, но, с другой стороны, переосмыслил их в духе современной философии, выдвинув на первый план человека и представив человека существом обладающим непосредственным единством с абсолютным началом всего (стр. 244).

В третьем параграфе третьей главы подробно анализируются те варианты русской философии всеединства, которые выдвигали на первый план понятие Софии как активного звена между Богом, абсолютным началом всего, и миром конечных вещей, в котором пребывает человек. С.Г. Гутова хорошо показывает те аргументы, которые приводили русских мыслителей к необходимости полагать Софию в качестве главного звена структуры всеединства. Особенно подробно обосновывается необходимость Софии для построений Соловьева, нужно признать, что это обоснование совершенно правильно и глубоко раскрывает главные интенции мысли Соловьева: желание соединить церковный религиозный опыт с его нецерковными и еретическими версиями, желание «подправить» диалектику Гегеля и придать ей более конкретный и жизненный характер и др. (стр. 265-269). Кроме того, хорошо показано, как софиология русских философов модифицировала и развила софиологическую тенденцию, издревле присущую философским построениям в рамках принципа всеединства.

В четвертом параграфе третьей главы обращается внимание на особое синкретическое понимание человеческой личности в русской философии всеединства и в связи с этим внутри нее выделяется персоналистическая тенденция. Эта тенденция в наиболее развитой форме

присутствует в философских системах С. Франка и Л. Карсавина, поэтому подробно анализируются построения этих мыслителей. Поскольку человек является центром любой версии философии всеединства, в его понимании синкретическая методология этого направления проявляется с наибольшей полнотой, человек оказывается связанным со всеми уровнями бытия и обладает интуитивным познанием всех форм существующего, вплоть до Абсолюта, в определенном смысле он оказывается тождественным Абсолюту, как показано в сочинениях Франка и Карсавина. С.Г. Гугова справедливо заключает, что в своих выводах указанные философы оказались особенно близки к новейшим течениям философии, таким как феноменология, персонализм, экзистенциализм. Также сделан правильный вывод о своеобразной дополнительности софиологических и персоналистских версий философии всеединства, описывающих всеединый Абсолют либо через отдельную личность, либо через совокупное человечество, олицетворяемое Софией.

В целом нужно признать, что в диссертации осуществлено очень полное и глубокое описание истории европейской философии с точки зрения главных форм воплощения принципа всеединства — от античного неоплатонизма до русской философии всеединства. В результате, вполне обоснованно утверждается, что именно эта линия философского развития принесла наибольшие достижения в философскую мысль и осуществила синкретическое соединение всех возможных подходов к осмыслению человека, мира и Бога.

Нужно отметить основные недостатки диссертации.

1. При достаточной полноте изложения истории философии и наиболее важных концепций, основанных на принципе всеединства, в диссертации есть некоторые досадные пробелы, мешающие окончательной оценке значимости философии всеединства. С.Г. Гугова утверждает, что в западной философии второй половины XIX и XX века не было систем, основанных на принципе всеединства: «После краткого периода господства универсальных диалектических систем всеединства Гегеля и Шеллинга в европейской философской культуре значительных учений такого рода больше не возникало. «Антиметафизическая волна» в философии второй половины XIX в. характеризуется возвращением к монистическим принципам построения систем (иррационализм Шопенгауэра), а также существенным сужением предметно-проблемного поля философии, ее специализацией (позитивизм, неокантианство)» (стр. 93). Эта точка зрения представляется ошибочной. Философскую систему Шопенгауэра вполне можно причислить к той же традиции философии всеединства, недаром в поздние годы он сам считал себя наследником традиции немецкой философии, простирающейся от Мейстера Экхарта к Шеллингу (см.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Дополнения к четвертой книге. Глава 48). Тем более странно не причислить к этой традиции Анри Бергсона, учитывая тот факт, что он оказал определяющее воздействие

на формирование русской философии всеединства в варианте Л. Карсавина и С. Франка. При рассмотрении русских вариантов философии всеединства удивляет отсутствие хотя бы краткого упоминания системы П. Чаадаева, ведь он является родоначальником этой традиции на русской почве.

2. Рассматривая формирование средневековых, христианских вариантов философии всеединства С.Г. Гутова правильно указывает на роль в этом процессе не только догматического учения христианства, но и еретических тенденций — гностицизма, герметизма, манихейства и др. Однако анализ вклада представителей этих направлений в окончательную модель философии всеединства, существовавшую в истории на протяжении многих последующих веков, представляется недостаточно подробным и конкретным. Можно напомнить, что уже Л. Карсавин в статье «Глубины сатанинские (Офиты и Василиды)» утверждал, что важнейшая идея Не-сущего Бога (Бога стоящего выше бытия, не обладающего характеристикой существования), очень важная и характерная для мистической традиции философии всеединства происходит вовсе не из неоплатонизма, а из более ранних гностических систем Василиды и Валентина. Современные исследователи (А. Хосроев, Е. Афонасин, Д. Алексеев и др.) утверждают, что и многие другие важнейшие положения философии христианства (вплоть до представления о троичном Боге и идеи Творения) происходят из гностических источников. В этом смысле философия всеединства кажется в большей степени зависимой от этих источников, чем от ортодоксального, церковного учения.

3. Наиболее принципиальной проблемой, затронутой в диссертации, является значение понятия Софии в формировании западных и русских вариантов философии всеединства. С.Г. Гутова решительно утверждает, что именно софиологические ее варианты являются наиболее полным воплощением принципа всеединства, т. е. понятие Софии очень хорошо сочетается с этим принципом и даже необходимо для его раскрытия. Это мнение представляется ошибочным. В древнейших версиях философии всеединства это понятие было рудиментом мифологических представлений, помогало сделать сложные философские представления доступными всем через «персонафикацию» принципа всеединства в его конкретном проявлении в мире. Однако выделение отдельного уровня бытия или отдельного связующего звена из всей онтологической структуры реальности не имеет внутреннего метафизического, онтологического основания в философии всеединства. Характерно, что ничего похожего мы не находим уже в первой достаточно строгой и последовательной версии философии всеединства, созданной Николаем Кузапским. Поэтому появление образа Софии в современных, развитых системах, подобных системе Шеллинга, Соловьева, С. Булгакова объясняется исключительно частными, личными причинами, но не имеет ясного оправдания в самой философской системе. Не случайно, например, С. Булгаков (самый

последовательный сторонник софиологии!) при создании самой продвинутой и оригинальной версии своей философии всеединства в книге «Философия имени» «забывает» о Софии, этот образ не играет в данном случае никакой роли. Единственное чисто философское основание для использования понятия Софии — это придание особого значения совокупному человечеству как форме связи Абсолюта (Бога) и мира, но системы Фихте и Гегеля, которые безусловно являются проработанными версиями философии всеединства, показывают, что можно прекрасно реализовать эту тенденцию без использования понятия Софии.

Указанные недостатки не влияют на общее положительное отношение к диссертационному исследованию С.Г. Гутовой; исследование является цельным, логически последовательным, оригинальным, выполненным на высоком научном уровне и дающим хорошо аргументированные, новые результаты. Диссертация обладает существенными моментами актуальности и новизны и открывает новые перспективы для историко-философских исследований.

Содержание диссертационного исследования полностью соответствует специальности 09.00.03 — история философии (философские науки), диссертация удовлетворяет требованиям ВАК, предъявляемым к докторским диссертациям, и в частности требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней». Светлана Георгиевна Гутова заслуживает присуждения ей ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 — история философии (философские науки).

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры русской философии
и культуры Санкт-Петербургского
государственного университета

Евлампиев Игорь Иванович

Адрес: Санкт-Петербург, 199034,
Менделеевская линия, д. 5
Телефон: (812) 328-44-08.
E-mail: yevlampiev@mail.ru

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ

ЗАВЕРЯЮ

21.04.2019г.

